

minibo**OK**

ФРАНСУАЗА САГАН

ШЕЛКОВЫЕ ГЛАЗА

Москва
2017

УДК 821.133.1-32
ББК 84(4Фра)-44
С13

Françoise Sagan
DES YEUX DE SOIE

© Editions Stock, 2009. The First edition of this work was published in 1976 by Editions Flammarion

Перевод с английского Л. Ефимова
Оформление А. Старикова

В оформлении обложки использованы фотографии:
Syda Productions, photopulse / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Иллюстрация на 4-й странице:
A-Elena / Istockphoto / Thinkstock / Gettyimages.ru

Саган, Франсуаза.

С13 Шелковые глаза : [рассказы] / Франсуаза Саган ; [пер. с фр. Л. Н. Ефимова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 128 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-96428-4

Жизнь полна парадоксов...

В ней встречаются богатые женщины, считающие себя старухами, потому что устали от жизни в 50 лет, одинокие лавеласы и любвеобильные однолюбы. Они мечутся между Парижем и Лос-Анджелесом, Мюнхеном и Гонолулу и все время начеку.

В этой жизни и надо быть начеку: кто угодно может оказаться обманутым и должен быть к этому готов...

Сборник новелл, написанных в лучших традициях французской галантной прозы.

УДК 821.133.1-32
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-96428-4

© Ефимов Л., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ШЕЛКОВЫЕ ГЛАЗА

Жером Бертье вел машину слишком быстро, и его жене, красавице Монике, потребовалась вся ее беззаботность, чтобы не обращать внимания на это лихачество. Ведь они уезжали охотиться на серну в выходные, что было для него настоящим праздником, поскольку он любил охоту, и свою жену, и вылазки на природу, и даже друзей, за которыми им предстояло заехать: Станислас Брема с его очередной подружкой (после развода Станислас менял их практически каждые две недели).

— Надеюсь, они будут готовы вовремя, — сказал Жером. — Как думаешь, что за девицу он нам подсунет в этот раз?

— Откуда мне, по-твоему, знать? — устало улыбнулась Моника. — Надеюсь, будет хотя бы спортивной. Ведь охота трудная, верно?

— Очень трудная, — кивнул он. — Я все думаю, что на него нашло, на Станисласа. Корчить из себя бабника, в его-то возрасте... В общем, в нашем возрасте. Если еще не готов, упустим самолет...

— Ты никогда ничего не упускаешь, — засмеялась она.

Жером Бертье искоса бросил взгляд на жену, в который раз спросив себя, что она хотела этим сказать. Он был человек мужественный, верный и спокойный. Знал, что достаточно привлекателен, но на протяжении тринадцати лет, что они были женаты, обеспечивал своей жене — единственной женщине, которую когда-либо любил, — са-

мую приятную и надежную жизнь. Хотя порой задавался вопросом, что таится за этой безмятежностью, за темными спокойными глазами его красивой супруги.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он.

— Я хочу сказать, что ты ничего не упускаешь: ни свои дела, ни свою жизнь, ни свои самолеты. Думаю даже, что ты и эту серну не упустишь.

— Очень надеюсь, — подхватил он. — Я на охоту не для того еду, чтобы в воздух стрелять, а это животное, уж ты мне поверь, самая трудная добыча.

Они подъехали к дому на бульваре Распай, и Жером просигналил три раза, пока в раскрывшемся окне не появился Станислас и не помахал рукой в знак приветствия. Жером высунулся наружу и крикнул:

— Спускайся, старина. Самолет упустим.

Окно закрылось, и через две минуты Станислас Брем вышел из подъезда со своей подружкой.

Он был настолько же долговяз, гибок и беспокоен, насколько Жером надежен, крепок и решителен. Его молодая спутница оказалась очаровательной, чувственной с виду блондинкой, из тех, что называют «женщина на уик-энд». Они влезли в машину через заднюю дверцу, и Станислас представил свою подружку:

— Моника, дорогая, познакомься: это Бетти. Бетти, это Моника и ее муж, знаменитый архитектор Бертье. С этой минуты ты под его началом, это он ведет корабль.

Все рассеянно засмеялись, и Моника любезно пожала руку этой Бетти. Машина направилась к аэропорту Руасси. Станислас наклонился вперед и спросил довольно пронзительным голосом:

— Вы-то оба довольны, что едете?

Не дожидаясь ответа, повернулся к своей спутнице и улыбнулся ей. Он был необычайно обаятелен, этакий сельчак — немного дегенерат, немного плейбой, немного

хищник. И Бетти как зачарованная улыбнулась ему в ответ.

— Представь себе, — продолжил он громко, — я знаю этого человека двадцать лет. Вместе в школе учились. Жером всегда ходил в первых учениках и кулаком мог врезать лучше всех, когда дрались на переменке, и часто меня защищал, потому что я уже тогда был невыносим. — И, кивнув на Монику, добавил: — А ее знаю тринадцать лет. Это счастливая пара, дорогуша, смотри хорошенько.

Ни Жером, ни Моника, казалось, не слушали его. Лишь легкая, почти сообщническая улыбка скользнула по их губам.

— Это они меня утешили после моего развода, — продолжал Станислас, — потому что я тогда был в великой печали.

Машина теперь ехала очень быстро по северной автостраде, и юной Бетти пришлось практически прокричать свой вопрос:

— Почему в печали? Жена тебя разлюбила?

— Нет! — крикнул Станислас в ответ. — Это я ее разлюбил, и, поверь, для джентльмена это ужасно.

Он расхохотался и откинулся на спинку сиденья.

Потом был Руасси, ад Руасси, и они восхищались расторопностью Жерома, который предъявлял билеты, регистрировал багаж, занимался всем. Трое остальных лишь смотрели на него: обе женщины были естественно привычны к тому, что ими занимается мужчина, а Станислас словно считал делом чести ни во что не вмешиваться. Потом были переходы, эти движущиеся дорожки, где они ехали гуськом под целлофаном, по двое, неподвижные и будто замороженные, этикие полуфабрикаты благополучных пар нашего времени. Потом был самолет, салон первого класса, где они опять сидели по двое, друг за другом, и Моника смотрела в иллюминатор на проплывающие облака, даже

не заглянув в журнал, который ей дали. Жером зачем-то поднялся с места, и вдруг рядом с ней возникло лицо Станисласа, который, видимо, на что-то указывал ей рукой в иллюминатор, но при этом говорил совсем другое:

— Я тебя хочу, ты же знаешь, выкрутись как угодно, но я хочу тебя в эти выходные.

Она похлопала ресницами, однако не ответила.

— Скажи мне, что тоже хочешь, — продолжил он с улыбкой.

Она обернулась к нему, посмотрела серьезно, но, прежде чем успела открыть рот, по громкой связи объявили: «Мы начинаем снижаться над Мюнхеном. Пожалуйста, займите ваши места, пристегните ремни и прекратите курить». Они посмотрели друг на друга мгновение, то ли как враги, то ли как любовники, он улыбнулся, в этот раз по-настоящему, и откинулся назад, на свое место. Жером вернулся и сел подле нее.

Лило как из ведра. Они отправились в охотничье шале во взятой напрокат машине. Разумеется, за рулем был Жером. Прежде чем сесть в машину, Моника сделала очаровательный жест, спросила эту самую Бетти, не укачивает ли ее сзади. Бетти, явно жаждавшая респектабельности и знаков внимания, кивнула и, таким образом, оказалась на переднем сиденье, рядом с Жеромом.

Жером был в отличном настроении. Лил дождь, на встречу летели опавшие листья, начинался туман, и ему пришлось сосредоточиться на дороге, включенные фары, работа дворников, гул мотора отгородили его от остальных своего рода стеной, не такой уж неприятной. Как обычно, он чувствовал себя ответственным, пилотом маленькой космической капсулы, доставлявшей их к охотничьему домику. Он рулил, газовал, притормаживал, направляя по назначению четыре жизни, в том числе свою собственную, привычно и с ощущением полной безопас-

ности. Виражи были очень круты, и уже настала черная ночь. Дорогу обступали лиственницы и пихты, теснили горные потоки. Жером вдыхал через окно все классические запахи осени. Ни Станислас, ни Моника больше не разговаривали, из-за виражей, конечно. Жером на мгновение обернулся к ним:

— Не спите? Бетти чуть не храпит.

— Да нет, не спим, — засмеялся Станислас, — смотрим. Смотрим в темноту.

— Хотите немного музыки?

Он включил радио, и тотчас же машину наполнил необычайный голос Монтсеррат Кабалье. Она пела главную арию Тоски, и, к своему великому удивлению, Жером почувствовал, как ему на глаза навернулись слезы. Он даже машинально включил дворники, прежде чем сообразил, что вовсе не осень затуманила ему вид сквозь лобовое стекло. Подумал вдруг: «Люблю эту погоду, эту страну, эту дорогу, эту машину и особенно люблю темноволосую женщину позади меня, мою жену, которая с таким же наслаждением, как и я, слушает этот голос, голос другой женщины, которая поет».

Жером редко изливал свои чувства, мало говорил, с друзьями еще меньше, чем с самим собой. Люди утверждали, что он человек простой, почти грубый, но сейчас ему вдруг захотелось остановить машину, выйти, открыть заднюю дверцу и заключить свою жену в объятия, несмотря на всю нелепость этого жеста, и сказать ей, что любит ее. Голос певицы поднимался все выше, оркестр неотступно следовал за ним как зачарованный, и Жером машинально, почти растерянно — вот уж слово, которое ему ничуть не подходило, — повернул зеркальце заднего вида и бросил взгляд на свою жену. Он думал увидеть ее такой, какой часто видел на концертах: неподвижно застывшей с расширенными глазами, но нечаянно дернул зеркальце книзу, и в поле

его зрения оказалась длинная и худая рука Станисласа, тискавшая ладонь Моники. Он тотчас же поднял зеркало, и музыка превратилась в череду невнятных, бессвязных, отвратительных звуков, в вопли какой-то буйнопомешанной. На мгновение он перестал ясно различать дорогу, пихты, приближающиеся повороты. Но вдруг в нем очнулся человек действия, человек ответственный: он выровнял руль, чуть сбросил скорость и столь же спокойно решил, что хочет, чтобы этот сидящий сзади мужчина, этот белокурый и голубоглазый мужчина, затаившийся в темноте с его женой... Короче, он хочет, чтобы этот мужчина умер завтра от его руки. Видимо, тот заметил, как вильнула машина, и рядом с Жеромом немедленно появилось лицо его друга детства — отныне презренное и ненавистное.

— Эй, ты что, заснул?

— Нет, — ответил Жером, — заслушался «Тоской».

— «Тоска», — подхватил весело Станислас, — и что за место?

— Скарпия как раз решает убить Марио из ревности.

— Он совершенно прав, — сказал Станислас со смехом, — только это ему и остается.

Он откинулся обратно рядом с Моникой, и Жером сразу же почувствовал огромное облегчение. Хор буйнопомешанных в радио поутих, и он улыбнулся.

В самом деле, только это ему и остается.

Охотничье шале было большим, сложенным из березовых бревен домом. Каминьы, балки на потолке, звериные шкуры на полу и наиболее красивые головы жертв на стенах. В самом деле прекрасное место! Оно вдруг показалось Жерому уродливым и нелепым. Он разбудил Бетти, достал багаж, разжег два каминьы и попросил сторожа приготовить им какую-нибудь еду. Поужинали очень весело, слушая — прихоть Станисласа — американские песенки на

жутком проигрывателе. Теперь Жером с Моникой были в своей комнате. Она раздевалась в ванной, а он доканчивал бутылку «Вильгельмины», сидя на полу возле кровати.

Ощущал в себе что-то неподвижное, мучительное и совершенно непоправимое. Он знал, что не сможет спросить у нее: «Это правда? Кто? Сколько времени? Почему? Как это закончится?» В сущности, он уже давно не говорил со своей женой. Возил ее повсюду, кормил, занимался с ней любовью, но уже не говорил. И ему смутно казалось, что эти вопросы, при всей своей оправданности, были бы всего лишь знаком неуместной, вышедшей из моды, почти вульгарной нескромности.

Он пил усердно, без особой цели, но и без отчаяния. Пил, чтобы успокоиться. Снотворное, амфетамины были не для него, не такой он человек. Но что же тогда для него? Что он за человек? «Да никакой, просто человек», — подумал он с горечью, со своего рода насмешкой и презрением по отношению к себе.

Моника вернулась в комнату. Все такие же очень черные волосы, высокие скулы, все такие же спокойные глаза. Мимоходом положила ему руку на голову, тем привычным жестом, который был одновременно знаком подчинения и власти, и он не сделал даже попытки увернуться.

— У тебя усталый вид, — заметила она. — Лучше бы тебе сразу лечь. Вам завтра рано на охоту.

И в самом деле, это было странно, если подумать. Сама она никогда не охотилась, никогда не хотела идти с ними. Утверждала, что выстрелы ее пугают, а от рвущихся по следу собак ей не по себе, короче, она не любит охотиться. Он никогда не задавался вопросом: почему на самом деле Моника не хочет идти с ними? Ведь она не боялась ни усталости, ни ходьбы, да и никогда ничего не боялась.

— Странно, — начал он, и собственный голос показался ему вдруг тягучим, — странно, что ты не охотишься.

— После десяти лет тебя это удивляет? — засмеялась она.

— Никогда не бывает слишком поздно, — возразил он глупо и, к собственному удивлению, вдруг начал краснеть.

— Вот именно, — зевнула она и легла, — вот именно, слишком поздно. Видишь ли, я очень люблю диких зверей и нахожу, что они гораздо более приемлемы, чем другие.

— Приемлемы? — переспросил он.

Она улыбнулась и погасила лампу со своей стороны.

— О! Это ничего не значит. Почему ты не ложишься?

Он согласился, снял свитер, разулся и внезапно упал перевернувшись на спину.

— Что за лентяй! — проворчала она и, перегнувшись через него, погасила прикроватную лампу.

Он слушал, слышал тишину. Она дышала спокойно, засыпала.

— Ты не находишь, — спросил он, и собственный голос показался ему неуверенным и встревоженным, как у ребенка, — не находишь, что Кабалье и в самом деле хорошо поет эту арию Тоски?

— Ну да, — согласилась она, — чудо как хорошо. А почему ты спрашиваешь?

Повисло недолгое молчание, потом она рассмеялась своим обычным смехом, чуть низким, легким, непринужденным.

— Опера делает тебя романтичным, а может, это осень, а может, и то и другое.

Он наклонился и нашарил на полу бутылку «Вильгельмины». Алкоголь был холодным и теплым и без всякого запаха. «Я мог бы повернуться к ней, — подумал он, — обнять, заставить ее сделать все, что захочу». И кто-то в нем, кто-то незрелый, слабый и изголодавшийся протянул к ней руку. Он совершенно естественным движением коснулся ее плеча, она шевельнула головой и подставила под его руку свои губы.

— Спи, — сказала она. — Уже поздно. Я без сил, а ты будешь без сил завтра утром. Спи, Жером.

Тогда он убрал руку, повернулся на другой бок, и встревоженный ребенок исчез, уступив место сорокалетнему мужчине, заледеневшему и накачанному «Вильгельминой». Мужчине, который методично, тщательно обдумывал в темноте, как ему посредством оптического прицела, мушки, спускового крючка, выстрела, железа и грохота устранить из жизни, а главное, из жизни этой лежащей рядом с ним чужой женщины белокурого и зловредного чужака по имени Станислас.

Было десять утра. Погода стояла хорошая, ужасно хорошая. Они уже три часа прочесывали лес. Егерь заметил великолепную серну, и Жером уже дважды поймал ее в окуляры своего бинокля, но теперь отнюдь не она была его добычей. У его добычи были светлые волосы, костюм из замши и рыжеватой кожи, его добычу было до странности трудно убить. Он уже упустил ее два раза. Первый раз она бросилась в подлесок, решив, что увидела серну. Второй раз между маленькой, черной, мерцающей мушкой ружья и его целью встряла белокурая голова Бетти. Но теперь его цель была прямо перед ним. Станислас Брем стоял посреди поляны. Поставив приклад ружья меж ступней и опершись на одну ногу, он смотрел в голубое небо, на рыжие деревья с каким-то нестерпимым счастьем, и палец Жерома начал потихоньку нажимать на спуск. Сейчас этот профиль взорвется, эти белокурые, слишком тонкие и дегенеративные волосы никогда больше не лягут под руку Моники, а эту кожу извращенного ребенка продырявят полсотни крупных дробин. И вдруг Станислас неожиданным жестом, жестом одиночки поднял руки к небу, уронив ружье на землю, и потянулся, всей своей позой выражая счастье, ужасную, отвратительную свободу от всего.